

UDC 821.111

William Blake's Great Task

Andrew Solomon

e-mail: absolomon@blueyonder.co.uk

*I rest not from my great task!
To open the Eternal Worlds, to
open the immortal Eyes
Of Man inwards into the Worlds
of Thought, into Eternity
Ever expanding in the Bosom of
God, the Human Imagination
Jerusalem Plate 5*

This may seem idealistic to the point of meaninglessness; but Blake was no mere idealistic crank: his liberating insights are still entirely relevant to our needs to-day.

He wrote: "*The nature of my Work is Visionary or Imaginative; it is an Endeavour to Restore what the Ancients call'd the Golden Age.*"

In that mythical Golden Age, mankind had not yet lapsed into the state of conflict between impulsive urges and socially acceptable behaviour known in Biblical terms as the "Fall", symbolised by the expulsion of Adam and Eve from the carefree uninhibited life of Eden, a

seemingly paradoxical result of their tasting the fruit of the Tree of the Knowledge of Good and Evil. Blake's purpose was to lead his fellow men and women out of this unhappy state.

We are born into the world ignorant of its ways; and it is usually from our parents that we first receive our "knowledge of good and evil" and learn the advantages of "good" behaviour. But, as in the myth of Adam and Eve, this knowledge is gained at a considerable cost. We come to identify ourselves with what Blake calls a "selfhood", which may be socially acceptable, but is not true to what we really are. We are ruled then by *reason* (Blake's Urizen) rather than by intuitive inward judgment (Los) or true feeling, an unwitting betrayal of our own integrity.

This is the end of our personal "golden age". We compulsively seek to compensate, whether through physical pleasures or through power and pos-

sessions, for what we must deny ourselves to maintain that idealised "selfhood". Rationally we may not be able to see any other meaning in life; but these compensatory urges will never satisfy the suppressed needs by which they are themselves driven, so in effect they are insatiable.

Large parts of Blake's so-called prophetic works are devoted to descriptions of the cruelty and destructiveness of the "sons and daughters of Albion", the people of Britain, who are possessed by these insatiable desires. We depend on our received morality to keep them in check. Blake personifies the authority behind this moral code as the "Spectre".

It is a vicious circle – the more control we exercise, the more urgent the need to break out somewhere to compensate for what we deny ourselves.

Blake's way out of this trap is through what he calls the "annihilation of the selfhood", letting go of that falsely idealised view of oneself, acknowledging (to oneself) characteristics which one has been taught to regard as wholly unacceptable. This is a daunting challenge, a painful sacrifice; but once it has been truly made, the pain is left behind.

Though we can never return to the innocence of childhood, this self-acceptance, a repudiation of the accus-

ing "spectre", brings a release from those destructive compulsions and a wonderful new freedom, the freedom to judge for ourselves honestly according to our own true feelings instead of being ruled by prejudice. But one must beware of the temptation to persuade oneself that compulsive compensatory desires represent true needs.

On Plate 91 of *Jerusalem* Los says: "*there is no other God than that God who is the intellectual fountain of Humanity*" (for Blake the word "intellectual" had a distinctly spiritual implication). That inner divinity, the Divine Humanity, the true basis of our individual integrity, he personifies as Jesus, no outward authoritarian father-god, or even the son of such a god, but the symbol of our own free inward spirituality, to which alone we are truly answerable.

On Plate 96, Jesus appears to Albion on the day of his awakening, and Albion (Everyman) is distressed to see his Spectre and Emanation, his father and mother authorities combined in the hermaphroditic "Covering Cherub", marching to destroy Jesus and the freedom which he represents, and to reassert the received values of the selfhood.

Albion faces what he sees as his shameful failure to measure up to what he believes society demands of him.

He throws himself into the "furnaces of affliction", expecting to be utterly destroyed by this double "spectre"; but to his amazement he finds that: *All was a Vision, all a Dream: the Furnaces became Fountains of Living Waters flowing from the Humanity Divine.*

Albion's sacrifice of that received ideal, his "annihilation of the selfhood", is in effect a repudiation of the Spectre's authority. It leads to his redemption, to his recognition of the Divine Humanity within himself (his "Buddha nature") as his true guide, his own true conscience, symbolised by the resurrected Jesus. Nobody else, no spectre or external god, has moral authority over him. He is his own judge. There lies his integrity.

This is perhaps the final stage of growing up. Many people never reach it, are unaware even of such a possibility.

It is not our compulsive compensatory sins that we need to face – we are all too well aware of them – but our failure to be true to ourselves in the face of received prejudice, perhaps a failure of courage.

This may feel at first like a devastating blow; but once one has faced and accepted it, abandoning any claim to the conventional virtues of the "selfhood", there is no longer anything to be defensive about.

The truth was only shameful as long as one failed to honour one's own judgment, allowing it to be overruled by received values. Now, instead of trying, like a "good" child, to live up to those received values, or like a "bad" child, being rebelliously self-indulgent, one will be free, a mature, responsible, adult, to follow one's own true conscience which emanates from the Divine Humanity within, our link with "Eternity", without undue concern, except on a realistically practical level, about what anyone else might think. Any shaming weaknesses will have disappeared.

The accusing Spectre, though one had projected its authority onto everyone else, only really existed in one's own mind. Having faced it and its supposed condemnation, braving the expected "furnaces of affliction", one finds, like Albion, that those furnaces were not real. The Spectre's authority is only what we ourselves give it. We are actually free simply to be unselfconsciously whatever we really are, free to judge honestly and realistically for ourselves, guided inwardly by the Divine Humanity.

There is nothing now to compensate for, so our former 'sinful' compensatory urges will have vanished. We are become whole, restored to our full un-fallen natural strength with the integrity

and confidence which stems from within, independent of the judgment of others. Thus, if we will listen to him intelligently, Blake can bring a lasting ease and contentment to our lives. What could be more valuable?

July 2011

Великая задача Уильяма Блейка

Эндрю Соломон

*...без отдыха вершу великий
труд!*

*Чтоб Вечности Миры от-
крыть, и Взор бессмертный Человека*

Раскрыть и повернуть в Миры

Мышленья, к Вечности,

*Растущей бесконечно в Лоне
Бога – Человеческом Воображеньи.*

«Иерусалим», Лист 51

Эти строки могут показаться идеализмом на грани бессмыслицы, но Блейк не был просто идеалистом-сумасбродом: его освобождающее прозрение всецело актуально и по сей день.

Он писал: *«Природа моей работы Визионарна, или Имагинативна: она стремится восстановить*

*то, что древние называли Золотым Веком»*².

В мифическом Золотом веке человечество еще не впало в состояние конфликта между импульсивными побуждениями и социально приемлемыми нормами поведения, состояние, известное под библейским термином «Грехопадения». Это состояние символизируется изгнанием Адама и Евы из Эдема с его беззаботной и непринужденной жизнью – парадоксальный, казалось бы, результат пробы плодов с Древа Познания Добра и Зла. Цель Блейка состояла в том, чтобы вывести своих собратьев, мужчин и женщин, из этого злосчастного состояния.

Мы рождаемся в мире, не ведая о его путях, и свои первые «познания о добре и зле», а также о преимуществах «хорошего поведения» мы получаем, как правило, от родителей. Но, как и в мифе об Адаме и Еве, эти знания достаются нам немалой ценой. Мы начинаем отождествлять себя с тем, что Блейк называет «самостью», которая может быть социально приемлемой, но не равна тому, что мы есть на самом деле. Нами больше правит благоразумие, *reason* (Уризен Блейка), чем интуитивное внутреннее суждение (Лос) или подлинное чувство, и

1 Строки 16-20. (Здесь и далее прим. переводчика).

2 «Видение Страшного Суда», 1810, с. 72.

тем самым мы невольно предаём собственную целостность.

Это конец нашего личного «золотого века». Мы вынужденно стремимся к компенсации, – посредством физических удовольствий, либо через власть и богатство, – и отрицаем себя, чтобы утвердить идеализированную «самость». С позиций рации мы можем оказаться не в состоянии увидеть в жизни иной смысл. Но компенсаторные стремления никогда не удовлетворяют те подавляемые потребности, которыми они сами вызваны, так что по сути они неутолимы.

Подавляющая часть так называемых пророческих произведений Блейка посвящена описаниям жестокости и агрессии «сынов и дочерей Альбиона», людей Британии, которыми владеют эти ненасытные желания. Мы ведем себя в соответствии с общепринятой моралью, чтобы держать эти желания в узде. Силу, стоящую за таким моральным кодексом, Блейк обозначает словом «Призрак» («Spectre»).

Это порочный круг: чем больше над нами контроля, тем настоятельнее мы хотим вырваться и компенсировать то, в чём мы себе отказываем.

Предлагаемый Блейком путь из этой ловушки лежит через так назы-

ваемое «уничтожение самости»: отказ от ошибочного идеализированного представления о себе, признание (в себе) тех черт, которые мы приучены считать совершенно неприемлемыми. Это сложная задача и мучительная жертва; но как только задача разрешена, а жертва принесена, боль остаётся позади.

Мы никогда не сможем вернуться к невинности детства, но самопринятие и отказ от обвиняющего нас «призрака» приносит освобождение от разрушительного принуждения, даёт нам новую удивительную свободу: свободу судить себя честно в соответствии с нашими истинными чувствами, вместо управляющих нами предрассудков. Но следует остерегаться соблазна убедить себя в том, что навязчивые компенсаторные желания являются нашими истинными потребностями.

В поэме «Иерусалим», лист 91, Лос говорит: *«нет другого Бога, кроме Бога, являющего собой интеллектуальный родник Человечества»*³ (для Блейка слово «интеллектуальный» имело отчетливо духовный смысл). Внутренняя божественность, Божественная Человечность, является истинной основой нашей индивидуаль-

3 Строки 9-10.

ной целостности. Она олицетворяет, как Иисус, не внешнего авторитарного Бога-Отца, или даже Сына такого Бога, но символ нашей собственной внутренней свободной духовности, единственного начала, перед которым мы действительно несем ответственность.

В той же поэме, лист 96, Иисус является Альбиону в день его пробуждения. Альбион (Обыкновенный Человек) страдает, когда видит свой Призрак и свою Эманацию, отцовскую и материнскую силы, объединённые в гермафродитическом «Херувиме Осеняющем». Они шагают маршем, чтобы уничтожить Иисуса и свободу, которую он представляет, и восстановить ценности «самости».

Альбион остро осознаёт свою позорную неудачу в попытках соответствовать социальным запросам, как он их понимает. Он бросается в «печи скорби», ожидая, что будет дотла истреблен этим двойным «призраком», но, к своему удивлению, обнаруживает, что *«Всё было Видение, всё Мечта: Печи стали Родниками Живой Воды, струящейся из Божественной Человечности»*⁴.

Пожертвовав приобретённым идеалом, пойдя на «уничтожение сво-

ей самости», Альбион, по сути, отказывается от власти Призрака. Это приводит его к искуплению, к признанию Божественной Человечности внутри себя (своей «Буддийской натуры») как истинного руководства, истинной совести, – что символизируется воскресением Иисуса. Никто другой, ни призрак ни внешний бог, не имеет моральной власти над ним. Он сам себе судья. И в этом заключается его целостность.

В этом, пожалуй, состоит заключительный этап возмужания. Многие люди никогда так и не достигают его, и не знают даже о такой возможности.

Проблема не в навязчивых компенсаторных грехах, которым мы должны взглянуть в лицо – мы все слишком хорошо осведомлены о них, – но в нашей неспособности быть верными себе перед лицом приобретённых предрассудков; и, возможно, в отсутствии мужества.

«Уничтожение самости» может ощущаться поначалу как сокрушительный удар, но, однажды выдержав его и приняв, отказавшись от любых претензий на общепринятые добродетели «самости», мы обнаруживаем, что у нас больше нет ничего, что требуется защищать.

4 Лист 96, строки 36-37.

Правда была постыдной только до тех пор, пока человек был не в состоянии уважать собственное суждение, позволяя приобретённым ценностям управлять им. Теперь он больше не будет, как «хороший» ребенок, жить в соответствии с приобретёнными ценностями, или, как «плохой» ребенок, мятежно потворствовать своим желаниям. Он будет свободным, зрелым, ответственным, взрослым; будет следовать истинной совести, излучаемой изнутри Божественной Человечностью, соединяющей нас с «Вечностью», – без излишнего беспокойства, за исключением забот бытового, практического уровня, тех, о которых может думать любой другой. Любые постыдные слабости исчезнут.

Обвиняющий Призрак, хотя человек и проецирует его власть на всех, реально существует только в его сознании. Столкнувшись с Призраком и его предполагаемым осуждением, но не побоявшись ожидаемых «печей скор-

би», человек может обнаружить, как и Альбион, их нереальность. Власть Призрака лишь настолько велика, насколько мы сами позволяем ему. В действительности мы свободны просто и бессознательно быть теми, что мы есть на самом деле, свободны судить честно и правдиво, руководствуясь изнутри Божественной Человечностью.

Теперь нам нечего компенсировать, ибо наши бывшие «греховные» компенсаторные стремления исчезли. Мы стали единым целым, восстановлены в своей полной, «непадающей» природной силе, с честностью и доверием, которые мы несём внутри, независимо от суждений других. Таким образом, если мы прислушаемся к Блейку с пониманием, он может внести в нашу жизнь устойчивые лёгкость и удовлетворение. Что может быть более ценно?

Июль 2011

*Перевод с английского
Д. Смирнова-Садовского*